

Turkish-English lexicography at the turn of XX–XXI centuries

The article deals with the Tatar-English bilingual lexicography of the turn of the XX–XXI centuries. Today there are several Tatar-English dictionaries, the compilation of which is caused by the actual requirements of the expansion of the multilingual Russian-Tatar-English language environment in the Republic of Tatarstan. The general characteristic of all available dictionaries at the level of macro- and microstructure is given.

Key words: *bilingual lexicography, Tatar, English, dictionary, dictionary entry, macrostructure, microstructure.*

(Статья поступила в редакцию 07.06.2018)

Т.В. САВЛЕПОВА

(*n. Тура, Красноярский край*)

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПЕРИОДЫ ГОДОВОГО ЦИКЛА ЭВЕНКОВ

Рассматривается вопрос о том, как возникли названия периодов годового цикла, какие чувственные образы предметов и явлений эвенки стремились выделить при определении категории времени. В этой связи исследуются лексическое значение и внутренняя форма слов, обозначающих периоды годового цикла эвенков. Обосновывается положение о том, что лексическое значение и внутренняя форма слов, обозначающие периоды годового цикла эвенков, имеют набор таких групп признаков, которые формируют структуру концепта «время».

Ключевые слова: *эвенки, годовой хозяйственный цикл, лексическое значение, внутренняя форма слова, образ, представление, периодичность.*

По мнению А.А. Потебни, «язык есть знак, обозначение явления и акт познания человеком окружающего мира, и можно проследить, как именно происходит это познание и как строятся и образуются понятия» [8, с. 9]. «В слове мы различаем: внешнюю форму, то

есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание» [9, с. 175].

Ю.С. Маслов внутреннюю форму слова рассматривает как мотивировку слова. По мнению ученого, внутренняя форма слова – «сохраняющийся в слове отпечаток того движения мысли, которое имело место в момент возникновения слова» [5, с. 81]. Анализ внутренней формы слов, обозначающих годовой цикл эвенков, в лингвокультурологическом аспекте позволит получить описание лексических временных значений, отражающих национально-культурную специфику.

Весенний период у баргузинских, зейско-учурских эвенков начинался с марта и назывался *эктэңкирэ* [1, с. 44]. Согласно данным двуязычного словаря В.А. Горцевской, это слово означает «период падения снега». Семантическая соотнесенность лексемы *эктэңкирэ* имеет прозрачную форму словообразовательного типа, образованную от *эктэңки-ми* – «падать с веток (о снеге)» [3, с. 225].

Некоторые группы эвенков данный период обозначают словом *нелкича / нэлкини бега* в значении «месяц прихода весны» [4, с. 38]. Признак, положенный в основу слова *нелкича / нэлкини*, имеет внутреннюю прозрачную форму словообразовательного типа, образованную от *неңне-ми* – «настать (о весне)» [Там же, с. 118].

Существует также слово для обозначения данного периода *овилахани / овилаша / овиласа / овилаха бега* в значении «месяц наста» [Там же, с. 38]. В это период у эвенков-охотников наступает время охотиться на лося по насту на лыжах с собакой. Внутреннюю форму по двуязычному словарю В.А. Горцевской можно определить по слову *о-ми* – «наступить (о времени)» [3, с. 132].

В древнем календаре эвенков, записанном В.А. Туголуковым, слово *ичан* соответствовало марту в значении «локоть левой руки» [10, с. 164]. Слово *ичан* имеет внутреннюю форму эпидигматического характера, образованную от слова *ичан / ичэн* – локоть [3, с. 84].

Апрель – *билэн* в значении «запястье левой руки», внутренняя форма которого определяется по слову *билэн* – «запястье» [1, с. 44]. Зейско-учурские, алдано-учурские эвенки называли апрель словом *туран* в значении «месяц прилета ворон» [4, с. 38]. Лексема имеет

внутреннюю прозрачную форму словообразовательного типа, образованную от *тураки* – «ворон» [3, с. 167].

Май урушинские, ольдойские, нюкжинские, тынденские, гилюйские, среднеолёкминские, верхнеалданские эвенки называют *эңнэкэл / эңнэкэн бега* в значении «месяц появления телят» [4, с. 38]. Джугдырские, верхнеленские, удские, подкаменно-тунгусские эвенки употребляют слово *сонкан / шонкан* в значении «месяц отела оленей» [1, с. 50]. Внутренняя форма слова *эңнэкэл / эңнэкэн бега* эпидигматического типа и образована от слова *эңнэкэн* – «теленка оленя до одного года» [3, с. 230].

А.А. Потеня внутреннюю форму рассматривает как «центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными» [7, с. 100]. Отсюда следует, что образность внутренней формы является значимой в ее характеристике.

Образно-ассоциативное восприятие эвенками окружающего реального мира отразилось в словах, обозначающих разные периоды годового цикла. Рассмотрим образную природу внутренней формы слов *эңнэкэн бега*, *сонкан / шонкан*. В первую очередь это ассоциируется с мыслью о появлении на свет телят, а не с их возрастными признаками. При этом содержание этой мысли как чувственный образ сознания и есть представление, заключенное в слове, а именно для эвенков-оленьеводов в этот период стоит задача – сохранить только что появившихся оленят, защитить их от хищников. От этого напрямую зависит численность поголовья стада оленей, а значит, и благополучие всего рода. По данным двуязычного словаря В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, внутренняя форма слова *сонкан / шонкан* имеет словообразовательный тип от *сонкан-ми* – «отелиться (о матке оленя)» [3, с. 153].

Июню у северобайкальских, баргузинских эвенков соответствует название *илага* в значении «цветение ягод», что связано с природными изменениями [1, с. 45]. Внутренняя форма слова *илага*, по данным словаря А.Н. Мыревой, имеет эпидигматический тип и образована от слова *илага* – «цветок» [6, с. 236]. При произнесении этого слова эвенк представляет сам цветок, а не его цвет, запах, не понятие какого-то конкретного растения. В это время в сознании рождается образ цветения природы. Определенная мотивированность слова *илага* связана с представлениями эвенков о радости, надежде на то, что будет урожай разных ягод.

Связывая понятия, внутреннюю форму слова с образом, который пробуждается в душе человека при встрече со словом, А.А. Потеня подчеркивает, что, кроме фактического единства образа (его признаков), внутренняя форма «дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [7, с. 101].

У зейско-учурских, алдано-учурских эвенков июнь называют словом *мучун* в значении «месяц зеленения лиственницы» [4, с. 39]. По материалам словаря В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, внутренняя форма слова *мучун* словообразовательного типа и образована от слова *мучуктэ* – «хвоя лиственницы» [3, с. 113]. В современном эвенкийском языке слово *мучун* употребляют в значении «эвенкийский новый год». В это время года отмечают праздник с одноименным названием *мучун*.

Июль северобайкальские эвенки называют словом *илкун* в значении «период поспевания ягод» [1, с. 45], у удских, тунгиро-олёкминских эвенков – *илкун*, *ирбэлэхэни* в значении «наливание, созревание ягод», что связано с природными изменениями [4, с. 39]. Слова *илкун*, *ирбэлэхэни*, *ириткэни* имеют внутреннюю форму словообразовательного типа и образованы от слова *ир-ми* – «созреть» [3, с. 79]. У сымских для обозначения этого месяца существует слово *хунмин* в значении «период мошкеры» [1, с. 48]. Согласно двуязычному словарю А.Н. Мыревой, слово *хунмин* имеет внутреннюю форму словообразовательного типа и образовано от слова *хунмиктэ* – «мошка» [6, с. 575]. У ольдойских, нюкжинских, тынденских, зейских, селемджинских эвенков *иргалар бега* употребляется в значении «месяц оводов» [4, с. 39]. По словарю В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, слово *иргалар* имеет внутреннюю форму словообразовательного типа и образовано от слова *иргакта* – «овод» [3, с. 79].

Формирование понятий *хунмин* и *иргалар бега* связано с тем, что в данный период в лесу появляется гнус, который сильно мешает оленям и не дает им покоя. Верхнеалданские эвенки этот период называют *экини бега* и употребляют в значении «месяц женщины» [4, с. 39]. Такое название связано с тем, что во время летних выпасов у эвенков-оленьеводов в основном за оленями ухаживали женщины. По двуязычному словарю В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, название *экини бега* имеет внутреннюю форму словообразовательного типа и образовано от

слова *эки* – «старшая сестра (звательная форма)» [3, с. 225].

Эвенки, живущие на территории Юго-Восточной Якутии и Амурской области, для обозначения ранней осени в разных диалектах употребляют такие слова, как *силугалар бега* / *сирулага бега* в значении «месяц гона оленей», *сургуланаги бега* в значении «месяц пятен после падения листвы», *сирудян* / *сирудахани* / *сируласа* / *сируласани* / *сируласар* / *сирулаха* / *сирулахани* в значении «период спаривания оленей» [4, с. 36]. В этот период хозяйственная деятельность эвенков-оленоводов связана с сохранением стада оленей, с необходимостью проследить, чтобы олени не разбежались, а дикие олени не увели маток домашних оленей. По данным двуязычного словаря Г.М. Василевич, внутренняя форма лексем *сирудян* / *сирудахани* / *сируласа* / *сируласани* / *сируласар* / *сирулаха* / *сирулахани* имеет прозрачную форму словообразовательного типа и образована от *сиру* «бык-производитель» [2, с. 358].

У баргузинских, учурских, зейских эвенков-охотников этот период обозначен лексемой *орёвун* в значении «охота с трубой» [1, с. 45]. Внутренняя форма этого слова связана с ситуацией охоты на изюбров, лосей. По данным двуязычного словаря Г.М. Василевич, внутренняя форма слова *орёвун* эпидигматического типа, имеет прямое значение – звукоподражательная берестяная или деревянная труба, издающая звуки, похожие на крик самки изюбра [2, с. 326]. У северобайкальских, подкаменно-тунгусских эвенков октябрю соответствует название *угдарпир* / *хугдарти* в значении «период лучшей охоты» [1, с. 45]. По материалам двуязычного словаря Г.М. Василевич, внутренняя форма лексем *угдарпир* / *хугдарти* имеет словообразовательный тип и образована от слова *хуг* «голодный зверь» [2, с. 489].

У зейско-учурских, тунгиро-олёкминских, алдано-учурских эвенков этот период обозначается словом *сигэлэхэ* в значении «месяц снега и шуги на реке» [4, с. 36]. По двуязычному словарю В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, название *сигэлэхэ* имеет внутреннюю форму словообразовательного типа, образованную от слова *сиглэн* – «наледь» [3, с. 148]. Среднеолёкминские, верхнеалданские, нюкжинские употребляют слово *сэгаля бега* / *сиголо бега* в значении «месяц начало охоты» [4, с. 36]. Северобайкальские эвенки называют этот месяц *угун* в значении «набереги – образование кромок льда на берегах рек

и озер». По двуязычному словарю В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, название *угун* имеет внутреннюю форму словообразовательного типа, образовано от слова *угу* «берег» [3, с. 177].

Ноябрь у среднеолёкминских, верхнеалданских эвенков *эмэннологе бега*, у ольдойских, нюкжинских, тынденских, узейских, селемджинских обозначен словом *эмэннологер* / *эмэннолоса бега* в значении «месяц падения снега» [4, с. 37]. По материалам словаря Г.М. Василевич, слова *эмэннологер* / *эмэннолоса* имеют внутреннюю форму, образованную от слова *эмэде-ми* «приход (о снеге)» [3, с. 229].

Декабрь у среднеолёкминских, верхнеалданских определяется словом *олоно бега* в значении «месяц погони за зверем», что характерно для эвенков-охотников [4, с. 37]. По материалам двуязычного словаря В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, внутренняя форма образована от слова *олонми* – «испугаться, разбежаться» [3, с. 136]. Наряду со словосочетанием *олоно бега* употребительно также слово *булта* в значении «охота на пушного зверя» [4, с. 37]. Это характерная деятельность данного периода для эвенков. По материалам словаря В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, внутренняя форма образована от слова *булта-ми* – «охотиться, промышлять (зверя)» [3, с. 33].

Январь у нюкжинских, урушинских, среднеолёкминских эвенков обозначен словом *мэнэдерилэгэр бега* в значении «месяц сидения», когда из-за сильных морозов эвенки не кочевали, а сидели на одном месте и постоянно поддерживали огонь в чуме [4, с. 37]. По материалам словаря В.А. Горцевской, В.Д. Колесниковой, О.А. Константиновой, внутренняя форма словообразовательного типа образована от слова *мэнэде-ми* – «жить оседло» [2, с. 271]. У зейских эвенков *инңини бега* в значении «месяц морозов» [4, с. 37]. У селемджинских эвенков этот период называется *соннани бега* в значении «месяц дымления». Внутренняя форма словообразовательного типа, образована она от слова от слова *сонна* – «дымовое отверстие в чуме» [2, с. 363]. В номинацию указанных слов положена идея «самого холодного зимнего периода», связанная с природными условиями.

У алдано-учурских тот же период назван *мирэ*, что значит «солнце по плечу» [4, с. 37]. По двуязычному словарю А.Н. Мыревой, внутренняя форма слова имеет эпидигматический характер и образована от слова *мирэ* «плечо»

[6, с. 360]. В древнем календаре для обозначения этого периода употребляется слово *эвримира* – левое плечо [10, с. 163]. Названия месяцев *мирэ* и *эвримира* по своей внутренней форме совпадают и образованы от одного слова *мирэ* – «плечо».

Февраль у тунгиро-олёкминских, зейско-учурских, баргузинских эвенков называется *гиравун* в значении «месяц шагания» [4, с. 37]. По материалам двуязычного словаря Г.М. Василевич, внутренняя форма лексемы *гиравун* эпидигматического характера и образована от слова *гиракта* «шаг» [2, с. 88]. Некоторые группы эвенков употребляют слово *эдын бега* в значении «месяц ветров» [4, с. 37]. Семантика лексемы *эдын бега* соотносится со словом *эдын* «ветер» [2, с. 547].

Таким образом, рассмотрев внутреннюю форму слов, обозначающих периоды годового цикла, мы выявили набор таких групп признаков, которые формируют структуру концепта «время». Универсальными признаками являются периодичность, цикличность, повторяемость, временная продолжительность. Определены национально-специфические признаки, связанные с изменениями в живой и неживой природе, хозяйственной деятельностью, древним миропониманием (появление гнуса, цветение, наливание плодов, рождение телят, охота на крупнокопытных и пушных зверей, замерзание воды у берегов, прилет птиц, зеленение хвои лиственниц и т. д.). Исследовав значение языковых единиц циклического времени как мыслительных единиц, закрепленных в эвенкийском языке, мы смогли проследить, как возникли названия периодов, какие чувственные образы предметов и явлений эвенки разных групп стремились выделить при определении времени.

Список литературы

1. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969.
2. Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
3. Горцевская В.А., Колесникова В.Д., Константинова О.А. Эвенкийско-русский словарь. Л.: Учеб.-пед. изд-во, 1958.
4. Мазин А.И., Мазин И.А. Материальная культура и хозяйство амурских эвенков. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.
5. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1987.
6. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2004..
7. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993.

8. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990.

9. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.

10. Туголуков В.А. Следопыты верхом на олене // Из глубины веков... путешественники, исследователи об эвенках. Улан-Удэ: Бэлиг, 2009.

* * *

1. Vasilevich G.M. Jevengi. Istoriko-jetnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.). L: Nauka, 1969.

2. Vasilevich G.M. Jevenkijsko-russkij slovar'. M.: Izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1958.

3. Gorcevskaja V.A., Kolesnikova V.D., Konstantinova O.A. Jevenkijsko-russkij slovar'. L.: Ucheb.-ped. izd-vo, 1958.

4. Mazin A.I., Mazin I.A. Material'naja kul'tura i hozjajstvo amurskih jevenkov. Blagoveshhensk: Izd-vo BGPU, 2003.

5. Maslov Ju.S. Vvedenie v jazykoznanie. M.: Vyssh. shk., 1987.

6. Myreeva A.N. Jevenkijsko-russkij slovar'. Novosibirsk: Nauka, 2004..

7. Potebnja A.A. Mysl' i jazyk. Kiev: SINTO, 1993.

8. Potebnja A.A. Teoreticheskaja pojetika. M.: Vyssh. shk., 1990.

9. Potebnja A.A. Jestetika i pojetika. M.: Iskusstvo, 1976.

10. Tugolukov V.A. Sledopyty verhom na olene // Iz glubiny vekov... puteshestvenniki, issledovateli ob jevenkah. Ulan-Udje: Bjelig, 2009.

Inner form of words denoting the periods of the annual cycle of the Evenks

The article deals with the issue of origins of the names of the annual cycle periods, what sensual images of objects and phenomena the Evenks tried to find out in determining the category of time. In this regard, the lexical meaning and inner form of the words denoting the periods of the annual cycle of the Evenks are under consideration in the article. It substantiates the position that the lexical meaning and the internal form of the words denoting the periods of the annual cycle of the Evenks have a set of such groups of features that form the structure of the concept of "time".

Key words: *the Evenks, annual economic cycle, lexical meaning, inner form of a word, image, idea, frequency.*

(Статья поступила в редакцию 16.04.2018)